

УДК 355.01

О ПРИЧИНАХ, ВЫЗВАВШИХ ОСЕТИНО-ИНГУШСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Л.А. Чибиров*

Л.А. Чибиров

Аннотация. *Время проходит, но объективная оценка осетино-ингушскому конфликту осени 1992 г. еще не дана. При этом первостепенное значение имеют причины, вызвавшие войну, а не следствие. На основании исторических документов, фактического материала, свидетельств ответственных государственных деятелей в статье доказывается, что дотонатором вооруженного столкновения была ингушская сторона; она же ответственна за развязывание конфликта.*

Ключевые слова: *осетино-ингушский конфликт, Пригородный район, Владикавказ, референдум, федеральные власти, митинг, съезд, агрессия, закон, репрессированные народы, война, мятеж.*

В обширной литературе, посвященной осетино-ингушскому конфликту, основной упор почему-то делается на военные действия в период с 31 октября по 5 ноября 1992 г. и их последствия. Между тем для урегулирования конфликта, объективной оценки происшедших событий первостепенное значение имеют причины, вызвавшие войну, а не следствия.

Восстановление Чечено-Ингушской АССР в 1957 г. – дань исторической справедливости. Однако часть возвращенных из Казахстана ингушей стала селиться за пределами границ республики, в частности в Пригородном районе и в г. Владикавказе. При этом заселение переселенцев с 1957 по 1992 гг. приняло такие масштабы, что повлияло на этническую ситуацию в РСО-А. За эти годы в Северной Осетии поселилось больше ингушей (32 783), чем было выселено в 1944 г. (32 054). В 1992 г. во Владикавказе уже проживало ингушей в 6,4 раза больше (14 461 чел.), чем в 1944 г.; одновременно с этим в селах Пригородного района уменьшилось число проживавших здесь русских и осетин. По данным Всесоюзной переписи в 1989 г. в СО АССР граждане ингушской национальности проживали в 5 544 домах и квартирах, что на 1 552 (!) больше, чем в 1944 г., т. е. к моменту выселения.

В результате Пригородный район стал самым густонаселенным в рамках, пожалуй, всей страны. По плотности населения Северная Осетия (около 90 чел. на кв. км) занимала третье место в СССР после Москвы и Ленинграда, а в той части Пригородного района, в которой раньше жили ингуши, плотность достигала астрономических цифр (Октябрьский, Камбилеевский и Куртатский сельсоветы – 365 чел., Майский – 278 чел., Черменский – 154 чел., Сунженский – 116 чел., в Тарском – 78 чел., Комгароне – 60 чел.), составив в среднем 186 чел. на кв. км. Это мало или мно-

го, легко понять в сравнении: в Ставропольском крае плотность населения составляет 35 чел., в Дагестане – 36 чел., в Кабардино-Балкарии – 60 чел. и т. д. [1]. Тем не менее в письменных и устных обращениях, адресованных в высшие органы власти, граждане ингушской национальности постоянно требовали еще большего: возвращения именно в села Пригородного района, компенсации конфискованной недвижимости и т. д.

Учитывая складывающееся критическое положение, связанное с плотностью населения и предупреждением демографического бума, в 1982 г. руководство Северной Осетии приняло решение о временном ограничении прописки в Пригородном районе. Однако это постановление сыграло обратную роль: с 1982 по 1989 гг. благодаря попустительству руководства республики, Пригородного района и г. Владикавказа произошло усиленное внедрение граждан ингушской национальности во все сферы жизнедеятельности СО АССР. В обход Постановления правительства продолжалась прописка граждан, в основном ингушей. В Куртатском сельсовете было прописано 257 человек (из них ингушей – 217); в Тарском соответственно 114 и 100, Черменском – 238 и 146, Майском – 141 и 103 человека, т. е. незаконно было прописано 750 человек, из которых 566 – ингушской национальности.

Другой пример. С 1973 по 1989 гг. жителям Пригородного района было выделено 965 земельных участков, из которых 554 (61 %) – ингушам. Последние активно селились и в г. Владикавказе: только за два года (1987–1989) лицам ингушской национальности было выделено 294 земельных участка. Всякими путями, не без поддержки продажного бюрократического чиновничества они приобрели земельные участки в окрестностях города (на Южном, Реданте, в Заводском, Карца и др.).

* Чибиров Людвиг Алексеевич – д. и. н., профессор, г. н. с. отдела культурной антропологии южных осетин ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А (L.chibirov@mail.ru).

Но это еще не все. Граждане ингушской национальности внедрились на руководящие должности, избирались в советские и партийные органы, становились депутатами Верховного Совета республики и пользовались льготами при поступлении в вузы Северной Осетии. Большой процент руководящих работников МВД республики составляли граждане ингушской национальности.

Одним словом, права ингушей в Республике Северная Осетия нисколько не ущемлялись; пользуясь вниманием и поддержкой, они вольготно чувствовали себя в республике. Массовое вселение ингушей в РСО-А не было ограничено, что рассматривалось как демонстрация добрососедства и примирительной позиции в отношении репрессированного народа. Но, как оказалось впоследствии, это была ошибочная позиция, приведшая к трагической концовке.

Как же реагировала на эти шаги доброй воли ингушская сторона? На этот вопрос напрашивается единственный ответ: чем больше уступали осетинские властные структуры, чем больше было сделано добрых жестов, тем напористее и нахрапистее становились претензии другой стороны, более дерзко звучали требования новых уступок. На новом этапе ингуши уже начали вынашивать мысли завладеть Пригородным районом и правобережьем Владикавказа.

Если в своих первых письмах в центральные органы СССР после 1957 г. ингуши ставили вопрос о возврате им жилых домов или выплате компенсации, то уже в конце 80-х годов тон их претензий меняется: искажается действительное положение вещей. Из уст ингушских лидеров посыпались обвинения в адрес руководства Северной Осетии, будто оно подвергает переселенцев гонениям.

Каково же было положение на самом деле? Перед нами справка, составленная Парламентом РСО-А в ответ на претензии ингушской стороны. Из 5,2 % ингушского населения в РСО-А за период с 1982 по 1989 гг.: более 50 человек были выдвинуты в руководящие органы республики; 5 представителей ингушской национальности избраны членами Северо-Осетинского обкома КПСС; 30 – стали членами горкома и райкомов КПСС; 5 – депутатами Верховного Совета РСО-А; 265 представителей ингушской национальности были депутатами местных советов; 67 являлись руководящими работниками МВД РСО-А; 34 работали в профсоюзах и комсомольских органах [2, с. 76–77].

Лица ингушской национальности работали на руководящих должностях советских, хозяйствен-

ных, профсоюзных и комсомольских органов РСО-А; они были среди работников министерств, госкомитетов, управлений и объединений республики. Из 10 Госкомитетов двумя руководили ингуши, а из 25 заведующих отделами управлений республики двое были ингушской национальности. Уделялось должное внимание социально-экономическому развитию, о чем свидетельствует совместный план Северо-Осетинского обкома и Совета Министров СО АССР по социально-экономическому развитию Пригородного и Моздокского районов с компактным проживанием ингушского населения.

Таковы факты, такова объективная картина «гонений» и «угнетений» ингушей в советской республике Северная Осетия.

Параллельно с укреплением своих позиций в Северной Осетии ингушские радикалы усиленно обрабатывали местных жителей ингушской национальности, вели среди них антиосетинскую пропаганду.

Первым в цепи подобных авантюристических действий было выступление 16–19 января 1973 г. граждан ингушской национальности в г. Грозном. Это было антиосетинское, антирусское сблище, которое выдвинуло необоснованные требования о передаче Пригородного района Северной Осетии Чечено-Ингушской АССР, с предварительным выселением из района граждан осетинской и другой национальностей (всего в районе проживали представители 30 национальностей), возвращении им земель, домов и другого недвижимого имущества, ранее принадлежавшего лицам ингушской национальности. Чечено-Ингушский обком КПСС осудил указанные антиобщественные выступления, чем временно остудил горячие головы в радикальных кругах.

Самый крупный всплеск антиосетинщины произошел на II съезде ингушского народа в сентябре 1989 г. На сей раз территориальные претензии к осетинской стороне прозвучали намного громче. На съезде Пригородный район был назван исторической родиной ингушей, а проблема национальной государственности ингушей была увязана с возвратом земель, которые были названы средой обитания ингушского народа. На съезде один из главных докладчиков (Б. Богатырев) утверждал, что в 1934 г. по вине Сталина закончился период самостоятельного успешного развития ингушского народа, что Сталин стер ингушскую автономную область с географической карты, а все это якобы было сделано в угоду осетинам из-за кровного родства (?!). В действительности же на базе объединения Чеченской и

Ингушской автономных областей (автономная область еще не государство), с присоединением к ним г. Грозного и Сунженского казачьего округа образовалась Чечено-Ингушская АССР, т. е. государственное образование чеченцев и ингушей, которое способствовало более быстрому развитию экономики и культуры. При этом следует подчеркнуть, что объединение произошло по воле чеченского и ингушского народов, а не насильственно, как говорил Б. Богатырев и утверждал позже И. Кодзоев [3, с. 235, 278].

На том же съезде докладчик утверждал, будто депортация ингушей была совершена ради интересов Северной и Южной Осетии (!). Чтобы наэлектризовать участников съезда и достичь конечной цели движения (отобрать у Северной Осетии Пригородный район и правобережье Владикавказа), Богатырев привел массу беспочвенных фантастических утверждений о времени основания города; Владикавказ был назван одним из главных общественных центров Ингушетии и т. д. Между тем такая околонучная стряпня ничего общего не имеет с реальной действительностью, а ура-патриоты всех мастей распространяют, тиражируют, снабжают ею общественно-политические движения, принимают как руководство к действию, насаждают в умах подрастающего поколения [3, с. 284, 285]. При этом, утверждая подобные небылицы, Б. Богатырев сознается, что не является профессиональным историком, он инженер-экономист, который предложил свои услуги историкам. Вот что получается, когда сапожник берется печь пироги.

Вышеизложенного достаточно, чтобы составить представление о провокационном характере съезда, стремлении его организаторов насильно насадить среди ингушского народа ненависть к осетинам.

После этого съезда началась антиосетинская истерия, к которой подключились средства массовой информации, лидеры общественных движений и политических партий и даже официальные властные структуры автономной республики.

Следующим шагом, способствовавшим накали напряженности, было принятие 27 ноября 1990 г. Верховным Советом ЧИ АССР декларации «О государственной независимости», в которой вновь нашли отражение территориальные притязания к Северной Осетии.

Наблюдая последовательный накал страстей в соседней республике, власти Северной Осетии принимали ответные шаги, хотя они были далеко не адекватными. В ответ на целенаправленные

действия ингушских властей на заселение как можно большего количества вынужденных переселенцев именно в Пригородный район, в июле 1990 г. Верховный Совет СО АССР принимает Декларацию о государственном суверенитете, а в сентябре того же года вводятся ограничения на прописку граждан, куплю-продажу жилых домов в Пригородном районе, создается республиканский комитет обороны.

В следующем году власти СО АССР вводят чрезвычайное положение в Пригородном районе, а после принятия закона «О реабилитации репрессированных народов» создают ОМОН при МВД республики. Когда же участились убийства, стычки, началось формирование народного ополчения, республиканской гвардии, возникло общественное движение «Адæмон цæдис».

После принятия Декларации о суверенитете националистические силы Чечни заявили о своем выходе из России. Этот акт окончательно развязал руки ингушским «радетелям» за справедливость; «территориальные притязания Ингушетии к Северной Осетии становятся стержнем национальной политики лидеров Ингушетии» [2, с. 19].

В следующем году 21 апреля 1991 г. чечено-ингушское лобби в Москве протолкнуло через Верховный Совет РСФСР Закон «О реабилитации репрессированных народов». Тем самым ингушские экстремисты пошли на прямую провокацию, приведшую к вооруженному столкновению осени 1992 г.

Однако даже после недельной кровопролитной межнациональной войны, унесшей с обеих сторон сотни жизней, войны, «ставшей по существу национальной трагедией не только для осетинского, но и для ингушского народа, началом полного краха национальной федеративной политики Российского государства» [3, с. 269], разработчики закона «О репрессированных народах» продолжают нагнетать обстановку, абсолютно не сознавая, что передача Пригородного района Северной Осетии под юрисдикцию Республики Ингушетия невозможна без учета мнения осетинской стороны, и потому всякие неконституционные меры могут привести к новой трагедии ингушского и осетинского народов и иметь катастрофические последствия для всей Российской Федерации [3, с. 269].

15 сентября 1991 г. на собрании народных депутатов всех уровней Ингушетии была принята Декларация об образовании в составе РФ Ингушской республики «с объединением исторической территории ингушского народа со столицей в правобережной части города Владикавказа».

Спустя год, 4 июня 1992 г., Верховный Совет РФ узаконил образование Ингушской Республики в составе РФ и, проявив беспринципность и политическую близорукость, подтвердил «волеизъявление ингушского народа на восстановление территориальной целостности Ингушетии». Принятие закона с такой формулировкой оказалось предзнаменованием большой беды, первым роковым шагом федерального центра. Этот нереализованный закон стал одной из главных причин разрушительной межнациональной войной на территории Российской Федерации в 1992 г. [3, 273].

Вслед за указанными событиями политическая активность ингушских лидеров пошла по восходящей. Народный Совет Ингушетии заявил о новом этапе борьбы за создание республики с возвращением отторгнутых территорий, а его председатель Б. Сейнароев советовал осетинам не довести дело до войны. «Война не нужна ни нам, ни осетинам, – говорил он. – Ведь всем понятно, что это будет даже не Карабах, а пострашнее. Осетин не поддержит ни один кавказский народ, потому что правда на нашей стороне. И никакая национальная гвардия не спасет... На Кавказе хорошо известно: если ингуш вынул кинжал из ножен, просто так он его уже назад не вложит» [4, с. 21].

Этими действиями Народного Совета Ингушетии и его лидера был сделан еще один шаг в сторону разжигания страстей, а многие в Ингушетии уже делали все возможное, чтобы посредством дестабилизации положения в Пригородном районе приблизить осуществление заветной мечты.

В начале октября 1991 г. был организован большой митинг в Назрани, на котором присутствовал и госсекретарь РСФСР Бурбулис. Территориальные претензии прозвучали еще сильнее. Участники митинга в ультимативной форме заявили, что если Россия не примет решение о передаче Пригородного района и правобережья Владикавказа Ингушетии, то они, митингующие, сделают это вооруженным путем, и даже назвали дату – 12–15 октября 1991 г.

Вслед за тем 31 ноября 1991 г. проводится референдум о самоопределении Ингушетии в составе Российской Федерации, также предусматривавший территориальный вопрос. С каждым подобным шагом уверенность ингушских националистов в достижении заветной цели росла. После проведения референдума у Б. Сейнароева и Б. Богатырева появилась уверенность: «Теперь осетинам больше ничего и никто не поможет» [5].

Одновременно шла военно-организационная подготовка к предстоящему выступлению. Уже в 1991 г. ингуши создали собственную гвардию («Дикая дивизия») численностью 15 тыс. бойцов, а также и свой конный полк.

Окончательно же масло в огонь подлила объединенная сессия народных депутатов Назрановского, Малгобекского и Сунженского районов и депутатской группы Пригородного района Северной Осетии, состоявшаяся в Назрани 24 октября 1992 г. Возложив вину в обострении обстановки в Пригородном районе на осетинские власти и обозвав их «организаторами и исполнителями убийств ингушей и издевательств над ними», сессия приняла решение, которое было открытым призывом к военным действиям: силами отрядов добровольцев и местных ингушей взять район под фактический контроль. В принятом документе говорится: «Выражая волю ингушского народа и в целях защиты своих родственников, проживающих в Северной Осетии, было решено объединить добровольцев в отряды самообороны и организовать их дежурство во всех населенных пунктах Пригородного района Северной Осетии, где проживают ингуши». Но это еще не все. «Для обеспечения безопасности добровольцев и ингушей, проживающих в Пригородном районе, разрешить им использование личного огнестрельного оружия и другого оружия, государственных транспортных и технических средств» [6, с. 23].

В воздухе запахло войной, ингушская сторона пошла ва-банк: выбрала военный путь решения вопроса.

Приготовления силового характера в Ингушетии и в самом Пригородном районе стали известны населению Северной Осетии. Об этом свидетельствует и обращение группы депутатов Верховного Совета СО АССР. В адрес девятой Сессии Верховного Совета СО АССР депутаты писали о резко обострившейся обстановке, о начале захвата квартир лицами ингушской национальности и т. п. Для выхода из ситуации депутаты предложили введение чрезвычайного положения на территории Пригородного района. Предложение было учтено на Чрезвычайной сессии Верховного Совета СО АССР, созванной 27 ноября, было принято специальное «Обращение к гражданам Северной Осетии ингушской национальности» с просьбой не поддаваться на провокации тех, кто призывает «к неповиновению конституционным органам власти и насильственному изменению территориальных границ, становится на путь грубого нарушения законов Российской Федерации и Северо-Осетинской АССР» [2, с. 100].

Насколько осетинская сторона была не готова к войне, свидетельствует и следующее. Когда в 4 часа утра 31 октября 1992 г. ингушские боевики пошли в атаку, руководство республики было застигнуто врасплох: война не нужна была осетинам, они к ней не готовились.

Так грянула осень 1992 г., когда вооруженные боевики из Назрани ранним субботним утром 31 октября двинулись на Северную Осетию. Накануне в пятницу все водители, работавшие на автопредприятиях, угнали КАМАЗ-ы, автобусы и другой автотранспорт в Ингушетию. Только из гаража Октябрьского филиала Пригородного Промстроя было угнано около 40 единиц автотранспорта. Все 120 работников МВД СО АССР ингушской национальности сбежали с табельным оружием. Особенно бесчинствовали ингушские провокаторы в сел. Чермен. В день нападения в школы Пригородного района не явился ни один ингушский школьник, а большинство семей были заранее вывезены в Ингушетию.

Насильно отнять Пригородный район не удалось. Это была безрассудная попытка реализации ингушской национальной идеи, сформированной тогдашним руководством ингушского общества – отнять землю у соседа [7].

Кроме вышеприведенных фактов имеются дополнительные неопровержимые доказательства того, что эта крупномасштабная акция готовилась заблаговременно. На митингах и сходках народные депутаты РСФСР от Ингушетии, руководители средств массовой информации, грубо искажая истину, прибегая к откровенному вымыслу и изощренной лжи, подготавливали общественное мнение к незаконной перекройке границ Северной Осетии. Среди ингушей насаждались идеология насилия, и в лице осетинского народа создавался образ врага [2, с. 91].

Война продолжалась всего три дня, но оставила неизлечимые раны и очень тяжелые последствия. Раны этой войны еще не зажили, но все проблемы получили свое разрешение. над нашим народом вновь сгущаются черные тучи.

Военные действия, которые проходили в те дни в восточной части Владикавказа и Пригородном районе, подробно описаны [8], и потому, во избежание повторов, нет надобности останавливаться на них подробно.

Пошел уже третий десяток со времени окончания войны, но ингушские экстремисты не изменили своим принципам по оболваниванию народа, искажению событий до неузнаваемости. За этот период написана, опубликована, отправлена в высшие органы власти масса заявлений, писем, статей, где однобоко излагаются собы-

тия, как правило, обеляется ингушская сторона и вся вина возлагается на осетинскую и русскую стороны, выдаваемые в качестве агрессоров.

При анализе накопившегося обширного материала, касающегося осетино-ингушского конфликта, бросается в глаза следующее.

В литературе, тиражируемой ингушской стороной, основное внимание уделено непосредственно самим военным действиям 30–31 октября – 5 ноября 1992 г. При этом они преподносятся однобоко, рассказываются измышления, как на мирных ингушей напали осетинские и русские головорезы и какой геноцид был устроен.

В разыгравшихся драматических событиях осени 1992 г. средства массовой информации и телевидение РИ обвинили осетинскую и русскую стороны во всех грехах. В распространенной по Интернету статье А. Куштова утверждается, что не было заранее спланированного ингушского вторжения, а было заранее спланированное нападение 70 тыс. сил русской и осетинской сторон на мирных ингушей. Небезызвестный И. Костоев утверждал, будто события, происшедшие в ночь с 30 на 31 октября, были заранее разработанные и спланированные акцией против ингушского народа (?!). Вслед за своими ингушскими коллегами некоторые журналисты центральных московских газет (подобно И. Дементьевой из «Известий») расписывали, как осетины травили ингушей, устроили геноцид ингушского народа с помощью русских, нагло лгали, будто осетины совершали агрессию против мирных, ничего не подозревавших ингушей.

О том, что происходило в ходе вооруженной борьбы, написано правды и неправды достаточно много. Когда начинается война, она бывает бесконтрольной, и взывать в ходе ее к справедливости уже бывает бессмысленно.

Что касается главных вопросов – как все начиналось, причины войны, кто агрессор, кто обороняющийся, – средства массовой информации Ингушетии, да и проингушски настроенные журналисты, большей частью обходят их стороной, замалчивают по вполне понятным обстоятельствам. Судя по многочисленным и убедительным фактам и материалам, связанным с войной, агрессию спровоцировали ингушские радикалы. За последствия войны они же должны нести ответственность, а не непосредственные участники, убивавшие друг друга. Именно благодаря усилиям экстремистов лбами столкнулись два соседних народа, понесся большие людские и материальные потери.

По вполне объективным соображениям и логике вещей – война не нужна была осетинам, по-

тому они и не готовились к ней и, естественно, ее не начинали.

Выше мы подробно описали, как шла ингушская сторона к войне, как она своими провокационными действиями и поведением ее приближала. Для тех, у кого осталось еще хоть незначительное сомнение в том, что война была затеяна ингушскими радикалами, ниже приводятся и другие убедительные факты.

В этом смысле весьма интересен рассказ Первого заместителя Председателя ВС РСФСР Р.И. Хазбулатова, которого в особых симпатиях к осетинам нельзя заподозрить. По его мнению, трагической развязки осени 1992 г. можно было бы избежать, если бы не позиция ингушских радикалов. «После выхода Чечни из состава России и образования Ингушской Республики, – пишет он, – в ней создалась крайне сложная обстановка, требовавшая срочное назначение и проведение выборов. Когда собрался Президиум ВС РСФСР для решения этого вопроса, «возникает» Бимболат Богатырев – депутат Ингушетии, который утверждает, что в «Ингушетии никаких выборов не будет, пока не решите вопрос о включении Пригородного района в состав Ингушетии». Члены Президиума возражают, приводят резонные аргументы: «Вы учредите сперва законные органы власти Ингушской Республики, которые могли бы сесть за стол переговоров с осетинскими лидерами. А то ведь создалась нелепая ситуация, когда вместо вас, представителей Ингушской Республики, с лидерами Северной Осетии приходится вести переговоры и дискуссии Председателю Верховного Совета». Богатырев и его группа поддержки ничего не слышат, твердят свое: «Отдайте Пригородный район!»

В результате было сорвано принятие очень важного решения. После нового срыва заседания Президиума на следующей неделе они «устроили скандал, обвиняя членов Президиума в «проосетинских симпатиях». В таких условиях большинство членов Президиума не решилось принять подготовленные проекты постановлений, хотя я настаивал, знал, что безвластие приведет к беде. Так что сами ингуши создали предпосылки для возникновения беды» [9]. Неужели из этих откровений высокопоставленного и авторитетного чиновника Р.И. Хазбулатова нельзя было сделать соответствующие выводы? Ведь отпадают всякие сомнения: Богатырев и его группа поддержки готовили кровопролитие осенью 1992 г., нагнетали обстановку, делая ее взрывоопасной.

Тем, кто еще сомневается в том, кто первым начал боевые действия, кто был агрессором,

предлагаем ознакомиться и с откровением ингушского журналиста В. Хамхоева. В статье «Помнить и не торопиться» он упрекает своих соотечественников, руководивших вооруженной акцией, за **скороспелость принятых решений** (выделено нами. – Л.Ч.). «Мы верили до самого рассвета дня 31 октября 1992 г. (даже при доносившемся из Пригородного района гула канонады артобстрела мирных ингушских сел) в невозможность бедствия, ибо надеялись, что принятый чуть ранее верховной властью страны надзаконный акт предусматривал конкретные шаги по выполнению закона «О реабилитации репрессированных народов» со сроком исполнения – 20 ноября 1992 г.». И далее: «Так напрашивается резонный вопрос с очевидным ответом: нужно ли было ингушам, когда до заветной мечты оставалось неполных три недели, форсировать события таким не укладывающимся в здравый смысл и логику действием, в коем их обвинили по горячим следам, и тем самым свести на нет усилия и труд многих людей, приближавших полувекую мечту народа. Но увы! Произошло то, что произошло» [10].

И если после такого откровенного признания у кого-либо и остаются сомнения в том, кто является зачинщиком трагедии, еще одна иллюстрация. «Утром 31 октября, – пишет А.Х. Галазов, – на ингушском языке было передано сообщение о начале операции под кодовым названием «Объявлен сбор» и о нападении на Пригородный РОВД. К великому сожалению, эти факты стали нам известны только после случившегося» [8, с. 204–205].

Среди причин, подталкивавших ингушскую сторону к вероломному вторжению, были и другие, которые следует искать в самой вайнахской среде. После развала ЧИ АССР и образования самостоятельной Чеченской Республики началась политика дискриминации ингушей, вытеснения их из пределов Чечни, в сторону Северной Осетии и ее столицы. Одним словом, «этнонационализм на чеченской земле обратился прежде всего в сторону осетино-ингушского конфликта и стал одним из важнейших элементов этого конфликта» [11, с. 12]. Следовательно, и внутривайнахские осложнения сыграли провокационную роль в перерастании осетино-ингушского противостояния в насильственную фазу.

Объективные обстоятельства, подталкивающие экстремистские силы Ингушетии к развязыванию войны, четко подмечены А.В. Кулаковским и В.А. Соловьевым. По их мнению, решающую роль в дестабилизации ситуации в Пригородном районе сыграли представления о том, что раз закон о реабилитации репрессированных народов

не отменен, остается в силе, то любые действия в русле этого закона могут выглядеть легитимными. Националистическим силам Ингушетии представлялось, что их действия становятся безопасными, поскольку опираются на законные установки демократического государства. «Им казалось, – пишут они, – что этого вполне достаточно для того, чтобы решить вопрос о Пригородном районе в свою пользу. Таким образом, они утверждали свой авторитет среди населения и обеспечивали мобилизацию массовых настроений в поддержку выдвинутых ими требований. Очень скоро агитация в пользу осуществления требования о возвращении Пригородного района ингушам перешла дозволенные границы диспута по правовым вопросам и превратилась в агитацию за овладение территорией любыми средствами, в том числе насильственными [там же: 10–11].

Эти откровения авторитетных авторов, не насыщенные знающих конфликт, начисто отмечают ингушские версии о причинах конфликта, об агрессии осетин против ингушей, о том, будто события 30–31 октября были крупномасштабной, заранее спланированной акцией против мирного ингушского населения [12: 33]. По мнению же историка, профессора М.Б. Мужухаева, в 1992 г. ингушам устроило геноцид руководство Северной Осетии, вину за который несет осетинская научная интеллигенция [13]. При этом ингушский ученый не приводит ни одного факта, ни одного примера, из которого действительно вытекала бы «немалая доля вины» осетинской научной интеллигенции за кровопролитие осени 1992 года» [14, с. 113].

Таким образом, все вышеизложенное неопровержимо свидетельствует: развязывание военного конфликта целиком и полностью на совести ингушских экстремистов. «Это был вооруженный мятеж части ингушского населения Пригородного района при поддержке извне против законной власти Республики Северная Осетия» [15]. Так уж получилось, что в 1991–1992 г. неумеренная активность ингушских политических экстремистов породила законодательные акты, наэлектризовала население, породила иллюзии, которые, наслаиваясь друг на друга, выросли как снежный ком и вовлекли в военное столкновение два соседних народа: ингушей и осетин.

Обо всех приведенных выше фактах и событиях прекрасно знали официальные российские органы власти, однако позади уже два десятилетия, и до сих пор четко не прозвучало: кто же несет ответственность за пролитую кровь.

Факты, приведенные выше, предельно ясно и убедительно свидетельствуют, что детонатором осетино-ингушского вооруженного столкновения была ингушская сторона: она – виновница войны, она и несет ответственность за ее развязывание и последствия.

И нет ничего более удивительного, когда агрессор после получения достойного отпора в кратковременной войне требует равной ответственности с обороняющейся стороной. В какой еще стране, в каком обществе агрессор и его антипод несли одинаковую ответственность за содеянное, за последствия агрессии?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Демографический энциклопедический словарь*. – М., 1985.
2. *Пригородный район: выбор цели*. – Владикавказ, 1997.
3. *Дзидзов В.Д.* Кавказ в конце XX в.: тенденция развития (историко-политологическое исследование). – Владикавказ, 2004.
4. *Пригородный район*. Сборник документально-исторических материалов. – Владикавказ, 1992.
5. *Северный Кавказ (газ.)*, 1992, № 31.
6. *Гутнов Ф.Х.* Долгая дорога к миру // Альманах российских ученых социалистической ориентации, 2000, № 2.
7. *Камарзати О.* Зона Чрезвычайного положения // Северная Осетия, № 2 от 14 января 2006 г.
8. *В тумане над пропастью*. – Владикавказ, 1994.
9. *Хазбулатов Р.И.* Ингушско-осетинский конфликт. Правда и вымысел // Независимая газета «Жизнь», № 2(9), июнь 1996 г.
10. *Хамхоев В.* Помнить и не торопиться // Сердало, от 31 октября 2000 г.
11. *Кулаковский А.В., Соловьев В.А.* Северная Осетия и Ингушетия. Опыт постконфликтного строительства новых взаимоотношений. – Владикавказ, 2003.
12. *Ингушетия и ингуши*. – Назрань, 1999.
13. *Мужухаев М.Б.* Ингуши. Страницы истории. Вопросы материальной и духовной культуры. – Саратов, 1995.
14. *Дзидзов В.Д.* Фальсификаторы истории создают большие проблемы // У нас есть будущее. Молодежь Пригородного района по материалам прессы. – Владикавказ, 2005.
15. *Кадохов В.Т.* Ничего не поняли и ничему не научились // Газ. Владикавказ, № 33, от 6 мая 2005 г.

ABOUT THE REASONS CAUSED THE OSSETIAN- INGUSH CONFRONTATION

Chibirov L.A.*

* Doctor of History, Prof. Head of the Department of Ethnology.

V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC and the Government of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia (362040, Vladikavkaz, Mira avenue, 10)(L.chibirov@mail.ru).

Abstract. Time passes, but an objective assessment of the Ossetian-Ingush conflict in autumn of 1992 has not yet been given. At the same time to establish the truth, are paramount reasons caused the war, but not a consequence. Based on historical documents, the actual materials, evidences of responsible statesmen it is proved that the detonator of armed conflict was the Ingush side; it is responsible for conflict initiating.

Keywords: Ossetian-Ingush conflict. Prigorodny district. Vladikavkaz. Referendum. Federal authorities. Meeting. Congress. Aggression. Law. Repressed peoples. War. Mutiny.